

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 82.0

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-1-95-106>

Шифр научной специальности 5.9.1

Рецепция «мифа Достоевского» в философском творчестве Н.А. Бердяева и В.И. Иванова

Анатолий Алексеевич СЕРЕБРЯКОВ , Дарья Романовна ЖЕЛЕЗНЯК

ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355017, Российская Федерация, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1

 soul.darya@bk.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Статья посвящена рассмотрению особенностей рецепции художественной антропологии Ф.М. Достоевского в философских работах мыслителей «русского религиозно-гуманитарного ренессанса». Актуальность такой постановки вопроса состоит в широком исследовательском интересе к междисциплинарному изучению творчества Достоевского на пересечении литературоведения, философии, культурологии; в активном обращении современных литературоведов и философов к вопросам «присутствия» Достоевского в культуре XX века; а также в значимости философских открытий Н.А. Бердяева и В.И. Иванова для исследования художественной философии Достоевского. Научная проблема кроется в самой глубине влияния философского мировоззрения Достоевского на литературу и философию последующего века, которая до сих пор не прояснена полностью. Целью исследования является выявление и характеристика основных особенностей рецепции художественной антропологии Достоевского в философских работах Н.А. Бердяева и В.И. Иванова. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** Авторы обращаются к объекту исследования – философскому творчеству Н. Бердяева и В. Иванова, вписанному в контекст рецепции «мифа Достоевского», опираясь на интертекстуальный и историко-генетический методы в контексте общего герменевтического подхода. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Ф.М. Достоевский всем своим художественным и публицистическим творчеством совершил сдвиг в понимании человека, в его произведениях был реализован новый подход к художественной антропологии, отводившей человеку совершенно особое место. Как мы можем увидеть, в своём антропоцентрическом мировоззрении Достоевский даёт философский синтез абсолютности отдельной личности и принципа духовного единства всех людей. Эпоха русского религиозного ренессанса сыграла уникальную роль в истории рецепции художественных открытий и философских интуиций Достоевского. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Ф.М. Достоевский был, как считали Н.А. Бердяев, А.Ф. Лосев, Д.С. Мережковский, духовным первоисточником мысли всего Серебряного века, вставшей «под знак» Достоевского, поскольку именно он с силой актуализировал мир апокалиптического самоопределения человека. Антропология Н.А. Бердяева погружена в особую эсхатологическую атмосферу, в которой философ и обращается к творчеству писателя. В интерпретации В.И. Иванова мистический реализм Достоевского обнажает вечную «трагедию духа», разыгрывающуюся между божественным и тварным началами в человеке.

Ключевые слова: русский религиозный ренессанс, эсхатология, художественная антропология, персонализм, трагедия, миф Достоевского

Для цитирования: Серебряков А.А., Железняк Д.Р. Рецепция «мифа Достоевского» в философском творчестве Н.А. Бердяева и В.И. Иванова // Неофилология. 2024. Т. 10. № 1. С. 95-106. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-1-95-106>

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Reception of the “Dostoevsky myth” in the philosophical works of N.A. Berdyaev and V.I. Ivanova

Anatoliy A. SEREBRIAKOV , Daria R. ZHELEZNYAK

North-Caucasus Federal University
1 Pushkina St., Stavropol, 355017, Russian Federation
 soul.darya@bk.ru

Abstract

INTRODUCTION. The work is devoted to the consideration of the characteristics of the artistic anthropology reception by F.M. Dostoevsky in the philosophical works of thinkers of the “Russian religious renaissance”. The relevance of this issue formulation lies in the broad research interest in the interdisciplinary study of Dostoevsky’s work at the intersection of literary studies, philosophy, and culturology; in the active appeal of modern literary scholars and philosophers to the issues of Dostoevsky’s “presence” in the culture of the 20th century; as well as the significance of the philosophical discoveries of N.A. Berdyaev and V.I. Ivanov for the study of Dostoevsky’s artistic philosophy. The scientific problem lies in the very depth of the influence of Dostoevsky’s philosophical worldview on the literature and philosophy of the subsequent century, which has not yet been fully clarified. The purpose of the study is to identify and characterize the main features of the reception of Dostoevsky’s artistic anthropology in the philosophical works of N.A. Berdyaev and V.I. Ivanov. **MATERIALS AND METHODS.** We turn to the object of study – the philosophical work of N. Berdyaev and V. Ivanov, inscribed in the context of the reception of the “Dostoevsky myth”, relying on intertextual and historical-genetic methods in the context of a general hermeneutic approach. **RESULTS AND DISCUSSION.** F.M. Dostoevsky with all his artistic and journalistic creativity made a shift in the understanding of human, in his works a new approach to artistic anthropology was implemented, which assigned a very special place to human. As we can see, in his anthropocentric worldview, Dostoevsky provides a philosophical synthesis of the absoluteness of the individual personality and the principle of the spiritual unity of all people. The era of the Russian religious renaissance played a unique role in the history of the reception of Dostoevsky’s artistic discoveries and philosophical intuitions. **CONCLUSION.** F.M. Dostoevsky was, as N.A. Berdyaev, A.F. Losev, D.S. Merezhkovsky believed, the spiritual primary source of thought of the entire Silver Age, which rose “under the sign” of Dostoevsky, since it was he who forcefully actualized the world of apocalyptic self-division of human. Anthropodicy of N.A. Berdyaev is immersed in a special eschatological atmosphere, in which the philosopher turns to the writer’s work. In the interpretation of V.I. Ivanov Dostoevsky’s mystical realism reveals the eternal “tragedy of the spirit” playing out between the divine and created principles in human.

Keywords: Russian religious renaissance, eschatology, artistic anthropology, personalism, tragedy, Dostoevsky myth

For citation: Serebriakov, A.A., & Zheleznyak, D.R. Reception of the “Dostoevsky myth” in the philosophical works of N.A. Berdyaev and V.I. Ivanova. *Neofilologiya = Neophilology*, 2024; 10(1):95-106. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-1-95-106>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Художественно-философская антропология Ф.М. Достоевского, отрефлексированная в литературном и философском творчестве мыслителей начала XX века, является актуальной и значимой проблемой для изучения литературы, философии и русской культуры в целом. Работы Вл. Соловьёва, Н.А. Бердяева, Д. Мережковского, В. Розанова, Л. Шестова, С. Булгакова, С. Франка, В.И. Иванова и других открыли в истории русской культуры новый этап в осознании глубинного, философского содержания творческого наследия писателя. Нами акцентируется внимание на двух аспектах многогранной рецепции мифа Достоевского представителями русского религиозного ренессанса: на «вихревой антропологии» писателя в понимании Н.А. Бердяева и на мифопоэтической интерпретации трагедии Достоевского в философском творчестве В.И. Иванова. Теоретико-методологическая основа исследования восходит к концепции междисциплинарного подхода в изучении литературы и философии Т.А. Касаткиной (2016), И.И. Евлампиева (2022), Grillaert (2008). Анализ своеобразия рецепции Серебряным веком художественной антропологии Достоевского основывается на разработанных в трудах А.Ф. Лосева (1919), В.К. Кантора (2014), В.А. Келдыша (2019) методологических принципах.

Основная цель работы заключается в выявлении специфики рецепции художественной антропологии Достоевского в философских трудах Н.А. Бердяева и В.И. Иванова. Их обращение к философским установкам Ф.М. Достоевского было закономерным, поскольку именно он, по точному определению А.Ф. Лосева, представлялся «сияющей и центральной фигурой этого нового ощущения жизни»¹: «романы Достоевского одновременно и философские трактаты, требующие от читателя предельной концентрации внимания» [1, с. 105], оказали влияние на представителей самых различных идеологических направлений философов и писателей.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Основной объект исследования – рецепция художественной антропологии Ф.М. Достоевского в художественно-философских исследованиях Н.А. Бердяева и В.И. Иванова. Исследование выполнено в русле герменевтического подхода и опирается на принципы интертекстуального и контекстуального методов, позволивших показать особенности культурно-философского диалога Ф.М. Достоевского и мыслителей русского религиозного ренессанса. В рамках междисциплинарного исследования мы придерживаемся принципа единства историко-культурного и экзистенциального подходов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Влияние Достоевского-мыслителя на последующие поколения философов и писателей невозможно переоценить: та «громадная умственная мощь, какая возможна только в произведениях Достоевского»², отразилась в столь многих концепциях, размышлениях и спорах, доходящих вплоть до сегодняшних дней. Русский религиозный ренессанс в осмыслении художественной философии Ф.М. Достоевского отталкивался от знаменитых «Трёх речей в память Достоевского» (1881–1883) Вл. С. Соловьёва, философское творчество которого оказало огромное влияние на русскую мысль конца XIX – начала XX века. Отечественная философия совершила «поворот к бытию» вслед за Соловьёвым и его софийными интуициями.

Мыслеобразы Ф.М. Достоевского развивают целую сеть экзистенциалов, кроющихся в глубине русского самосознания рубежа веков. Ф.М. Достоевский открывается людям нового духа, способным откликнуться не только на общественную революцию, но и на революцию духа. В работе «Философия неравенства» революционерами духа Н.А. Бердяев называет Ф. Ницше, В. Соловьёва и, ра-

¹ Лосев А.Ф. Русская философия // Тахо-Годи Е.А. Алексей Лосев в эпоху русской революции: 1917–1919. М.: Модест Колеров, 2014. С. 260.

² Волынский А.Л. Достоевский <Фрагменты> // Ф.М. Достоевский: pro et contra, антология. 2-е изд. СПб.: РХГА, 2022. Т. 1. С. 406.

зумеется, самого Достоевского³. Философская рефлексия авторов сборников «Проблемы идеализма» (1902), «Вехи» (1909) и «Из глубины» (1918) в той или иной степени несёт на себе особую печать Ф.М. Достоевского, обнаруживая тотальное идейное обращение мыслителей того круга к мифопоэтическому содержанию художественного мира писателя. Особое внимание следует обратить на рецепцию мифа Достоевского в сборнике «Вехи», который во многом идейно продолжает знаменитую «Пушкинскую речь» Ф.М. Достоевского. Основой сборника в культурно-символическом смысле становятся антропологемы, выписанные Ф.М. Достоевским в его художественных произведениях. И немалое значение в построении модели новой общественной мысли веховцев, на наш взгляд, имел именно миф Достоевского, его «вихревая антропология», его подход к феноменологии человека. Так, современные учёные особо подчёркивают метафизические аспекты опыта в художественной философии Ф.М. Достоевского, творчество которого во многом предуготовило русский экзистенциализм и персонализм.

Одним из ключевых этапов постижения художественной философии Ф.М. Достоевского является рецепция Н.А. Бердяева. Наиболее известной и главной работе философа «Миросозерцание Достоевского» (1923) предшествовали не менее значимые статьи: «Великий Инквизитор» (1907), «Ставрогин» (1914), «Откровение о человеке в творчестве Достоевского» (1916), «Духи русской революции» (1918), в которых были намечены основные линии рецепции, вошедшие впоследствии в итоговую книгу автора о Ф.М. Достоевском. Примечателен глубокий вывод В.К. Кантора о том, что анализ Н.А. Бердяевым творчества Достоевского «наиболее репрезентативен для понимания философской установки самого Бердяева» [2, с. 54]. Среди иных многочисленных религиозно-философских толкований творчества писателя видение Н.А. Бердяева является в наивысшей степени антропоцентричным, сконцентрированным именно во-

круг его интуиций о человеке и человеческой свободе. Антропоцентризм художественного философствования Ф.М. Достоевского он выделял в качестве смысловой доминанты всего его творчества. Бердяевская рецепция художественной философии писателя развивается в русле религиозно-экзистенциального подхода, отмеченного последовательным выходом к персонализму экзистенциального типа и к представлениям об онтологической свободе.

В статье «Великий Инквизитор», посвящённой одноимённой поэме из романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», ставится вопрос о человеке и его свободе. Философ представляет субстрат социализма, капитализма, позитивизма в образе Вавилонской башни, которой человек отдаёт свою свободу. Вавилонская башня, выступающая как символ гордой человекобожеской воли, приведшей к божественному ответу в событии её разрушения и смешения языков, является очень примечательным образом, и упоминание его Н.А. Бердяевым неслучайно. Примечательно, что некоторыми исследователями «концепт человекобожия», присутствующий в творчестве Ф.М. Достоевского, рассматривается в контексте полемики писателя с католицизмом [3, с. 576], что в случае с поэмой «Великий Инквизитор» может быть воспринято продуктивно.

Великий Инквизитор, упрекая несбывшееся богочеловечество, хочет снять с человека бремя свободы и этим обеспечить ему спокойствие, которого не оставил людям Христос. Как мы видим, свобода у философа является опорой любого философского размышления: “The very possibility of existence, understood in the existentialist sense is only possible for Berdyaev only with the recognition of spiritual freedom” («Сама возможность существования, понимаемого в экзистенциальном смысле, является возможной для Бердяева только с признанием духовной свободы») [4, р. 303-304]. Н.А. Бердяевым постулируется изначальная, «предвечная» свобода человека, утверждение которой он прочитывает и в поэме, созданной Иваном Карамазовым. В творчестве Ф.М. Достоевского философ ясно увидел жажду свободы, сродную

³ Бердяев Н.А. Философия неравенства. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2012. С. 28.

своим собственным взглядам и мыслям. Бердяев раскрывает возможность выхода к свободе через творческую революцию духа, что составляет основу развития нового религиозного сознания. Характеризуя тяжесть религиозного кризиса в России начала XX века, Н.А. Бердяев постулирует, что преодоление того катастрофического исторического и духовного положения русского человека возможно только через поворот к свободе духа – к выходу из объективизма к свободе творческой воли.

Большое внимание Н.А. Бердяев уделяет образу Ставрогина, ему посвящена вторая его статья о творчестве Ф.М. Достоевского. Философ утверждал, что постигнуть Ставрогина и роман «Бесы» как символическую трагедию, каковой она по природе своей является, возможно лишь сквозь мифологизм. Миф о Ставровине, герое, которого в романе нет, но именно через которого весь роман и совершается, является одним из наиболее интересных для самого Н.А. Бердяева. Ставровин в некотором смысле обречён быть не в полной мере воплощённым образом: он лишь перевоплощается, меняя различные маски-личины. Отсутствие у героя собственного лица, непосредственно выражающего его, восполняется сменой неоднородных (зачастую противоположных друг другу) масок. Ставровинский путь является демоническим противопоставлением себя «порядку вещей», самовольным отказом от выбора между добром и злом, между высотой и низостью. Но, как пишет Бердяев, «утверждать разом и Христа, и антихриста – значит всё потерять, стать бедным, ничего уже не иметь»⁴. Это выявляет в нём страшный предел человека, изображённый Ф.М. Достоевским. Герой ставит на место закона – силу собственного волевого начала, и воля, не имея должного выхода в мир, источает все его потенциальные возможности в полной мере «быть». И русское декадентство как культ упадка, по мнению Н.А. Бердяева, зародилось именно в образе Николая Ставрогина.

Нельзя здесь не погрузиться в особую сферу эсхатологии, через которую Н.А. Бер-

дяев постоянно обращается к творчеству писателя. Достоевский в своих художественных работах повсеместно «возвращает в пределы человеческого восприятия, человеческой повседневности эсхатон» [5, с. 379], что вносит метафизический смысл в художественную ткань жизни. С этим связана и двусоставность образа Ф.М. Достоевского, утверждающая двуми́рность положения его героя, со-вечность Христу. В этом ключе эсхатология писателя всегда имеет «светлую» перспективу, лишённую пессимистической, «смертной» завершённости. В свою очередь, эсхатологическая метафизика Н.А. Бердяева постулировала значение христианства как теологии истории, ведущей к Воскресению. Вспомним слова философа о том же Ставровине: «Для нас невозможна та вера, в которой нет спасения для Ставрогина, нет выхода его силам в творчество»⁵. Знаменательно, что общим местом для философов русского религиозного ренессанса является рецепция творчества Ф.М. Достоевского в духе христианской теософии: понимание его художественных произведений как «оригинальной формы выражения новой формы христианства» [6, с. 9]. Так, в рецепции творчества Ф.М. Достоевского Н.А. Бердяеву открывается русская идея в эсхатологическом свете: события священной истории соотносятся с экзистенциальным богочеловеческим опытом – рождения Бога в человеке и человека в Боге.

К этому приходит он и в статье «Откровение о человеке в творчестве Достоевского». Говоря о параллелях фигур Ф. Ницше и Ф.М. Достоевского, Н.А. Бердяев упоминает, что у них обоих антропология апокалиптическая, подходящая к краям и пределам. Но Ф.М. Достоевский, по Н.А. Бердяеву, никогда не оставляет человека в безвыходной тьме. И это вписывается в модель некоторого эсхатологического «оптимизма», которую философ рассмотрел в книгах писателя. Преодоление зла, греха как состояния тотальной несвободы человеческого духа возможно в экстатическом выходе к смыслу свободы, совершающийся в огненной атмосфере, в чём и состоит главное открытие Ф.М. Достоевско-

⁴ Бердяев Н.А. Откровение о человеке в творчестве Достоевского. М.: Т8RUGRAM, 2018. С. 49.

⁵ Там же. С. 57.

го, по мнению Н.А. Бердяева, – в его особой «вихревой антропологии».

Русский человек как нигилист и апокалиптик предстаёт в статье философа «Духи русской революции». Развёртывание темы внутренней диалектики и метафизики природы русской революции Н.А. Бердяев видит в романе «Братья Карамазовы», а не в «Бесах», где дан уже сложившийся образ осуществления этой диалектики как исступлённое вихревое кружение. Через обращение к образу Великого Инквизитора Бердяев возвращается к критике гуманистического социализма, ведущего к потере божественного образа в человеке. В духе своей концепции абсолютной свободы философ констатирует демонически страшную потерю духовной свободы в явлениях «шигалевщины» и «смердяковщины».

В главной книге Н.А. Бердяева о Ф.М. Достоевском – в «Миросозерцании Достоевского» его внимание сосредоточено в широком смысле на гнозисе Ф.М. Достоевского в его *coincidencia oppositorum* (лат. «совпадение противоположностей»). Философ развивает свою концепцию христианского гнозиса, сквозь призму которой и интерпретирует всю историю европейской философии. При этом вселенская перспектива творчества автора «великого пятикнижия» не лишает философа возможности рассмотрения его художественной философии в аспекте национального самосознания.

Отпущенный на свободу человек Достоевского становится первейшим феноменом исследования в работе Н.А. Бердяева. Начиная с героя «Записок из подполья», Ф.М. Достоевский изображает трагические пути человека, его испытания свободой. В художественном мире писателя свободоискательство зачастую переходит в бунт против жизни через желание утвердить в ней своевольное сознающее «я». Все дальнейшее его творчество – хождение человека отчаянными путями свободы. Н.А. Бердяев не раз писал о том, что существуют две свободы: изначальная и конечная, то есть свобода как интерпретация «Ничто» учения «Ungrund» Я. Беме и свобода во Христе-Богочеловеке, понимаемая в контексте спасения. В работе «Смысл истории» Н.А. Бердяев говорил о первичной ста-

дии истории, когда «небесно-историческая драма» отдаления человека от Бога, драма грехопадения явила собой драму свободы, чем навек «повергла человека и человеческий дух в недра природной необходимости»⁶. При этом Н.А. Бердяев придаёт мифу о грехопадении особый смысл: первая свобода и порождённое ею отпадение от божественного центра жизни понимается им как один из начальных моментов первожизни духа, его мистериального пробуждения и движения в сторону свободы. Так, философия свободы вводится им в парадоксальный мир, где имманентный антиномизм человеческой природы, обрекающий на страдания, в то же время является источником надежды на возвышение и возвращение к «живой жизни». Ко второй форме свободы приводит, по Н.А. Бердяеву, Христос, но главное – человек должен сам свободно принять Христа. Путь к последней, подлинной свободе лежит через бездну человекобожества, и всякий раз этот путь строится изнутри субъекта, так как, по Н.А. Бердяеву, истина окончательной свободы не может быть получена как-то извне.

Полновесное открытие и диалектика идеи «человекобога» по праву принадлежит творчеству Ф.М. Достоевского, и особой апокалиптической остроты эта идея достигает в образе Кириллова, героя романа «Бесы», постигнутого бесплодной смертью человекобога. Кириллов, ищущий и не находящий Бога в себе, находится в экзистенциальной позиции разомкнутости к смерти. Наряду с аскетизмом его природы, чистым желанием спасти человечество от «страха смерти», Кириллов несёт в себе парадоксальное искажение, которое не даёт ему сил преодолеть абсурдный ужас человеческого существования, лишённого божественного порядка. Идеальный Кириллов, не желающий принять крест жизни как путь к спасению человека и решивший вписать в историю мира свой собственный крест своеволия, своим путём доказывает, что человекобожество, замкнувшееся в своих несвободных границах, имеет своим пределом гибель.

⁶ Бердяев Н.А. Смысл истории. Новое средневековье. М.: Канон+, 2002. С. 111.

Бунт другого героя Ф.М. Достоевского – Ивана Карамазова представляет для Бердяева вершину и итог путей безблагодатной человеческой свободы. Начало же этих путей – в вопрошании «подпольного человека», развитие – в теме Раскольникова, знаменующей кризис гуманизма и духовную смерть от самоутверждения индивидуального человека. В творчестве Ф.М. Достоевского гуманизм кончился, и в этом аспекте Н.А. Бердяев снова ставит имя писателя рядом с именем Ницше. Идею сходство Достоевского и Ницше всегда интересовало европейских гуманитариев; так, N. Grillaert констатирует: “Looking for Nietzsche, finding Dostoevskii” («ищешь Ницше, находишь Достоевского») [7, р. 37]. Значимо, что Н.А. Бердяев, видящий образ Кириллова в лучах свободоискательства, приходит к констатации страшных плодов путей человекобога. По его мнению, конец стремлений к человекобожеству – в безобразной, карикатурной фигуре Смердякова. А на дорогу богочеловечества человек Достоевского выходит не через невольное бремя миссии своевольного самообожения, а через синергийное долженствование к свободе; богочеловечество открывается в призвании к предвечной свободе человека.

В «Мирозерцании...» слово Н.А. Бердяева о Ф.М. Достоевском имеет порой манифестарный характер. Постулируя «огненное крещение» трагическим реализмом Ф.М. Достоевского, Н.А. Бердяев утверждает свершение революции духа в новых людях – людях Достоевского. В духе апокалиптического христианства он видит главную ось творений писателя, в которых сгущается тьма русской жизни, но в ней засветил свет. И свет этот в самом человеке Достоевского. Радикальный антропоцентризм Н.А. Бердяева, полагающий личность абсолютным центром всех планов бытия, является ядром и его рецепции мифа Достоевского, и его собственной философии. Итак, духовная и интеллектуальная история XIX века, по мнению философа, разделяется явлением Достоевского, которое «означало, что в России родились новые души»⁷. В рабо-

тах Н.А. Бердяева «миф Достоевского» предстаёт как явление духа, как пророчество о судьбе русского человека.

Мифопоэтическая рецепция творчества Ф.М. Достоевского – это то направление критической и философской мысли, у истоков которого стоял и В.И. Иванов. Философские статьи и художественные произведения В.И. Иванова образуют творческое метатекстовое единство его дионисийско-софиологической мифологии. Проблемы мифа и символа нашли глубокую теоретическую разработку у В.И. Иванова, в чьих построениях символ, образ и подобие высших реальностей утверждается как основа художественного метода созданий подлинного искусства, а миф – объективная правда о сущем приобретает онтологический статус.

Присутствие фигуры Ф.М. Достоевского в жизни и сфере творческих интересов В.И. Иванова – неотъемлемая часть его мирозерцания. Основные сочинения В.И. Иванова о Ф.М. Достоевском – это статьи «Достоевский и роман-трагедия» (1911), «Экскурс: Основной миф в романе «Бесы» (1914), «Лик и личины России. К исследованию идеологии Достоевского» (1916) и, наконец, итоговая книга «Достоевский. Трагедия – Миф – Мистика» (1987 – на русском языке). На протяжении многих лет В.И. Иванов обращается к творчеству писателя, производя исключительные мифопоэтические интерпретации. Важно отметить, что в его работах продолжается во многом «соловьёвский» полюс мысли о Ф.М. Достоевском: в понятии «соборности» наиболее сказалось сближение его с идеей «всеединства» В.С. Соловьёва.

В парадигму общеевропейской философии помещает Иванов творчество Ф.М. Достоевского в первой же статье «Достоевский и роман-трагедия». Мыслитель рассматривает его романы в широком культурном контексте истории античной, западноевропейской и русской культуры: от Гомера и Эсхила до начала XX века. Но среди других великих имён Иванов выделяет Ф.М. Достоевского как новатора в аспекте антропологических достижений. Новизна положения, занятого романом Достоевского, состоит в том, что он «стал, под

⁷ Бердяев Н.А. Русская идея. Мирозерцание Достоевского. М.: Изд-во «Э», 2016. С. 497.

пером нашего художника, трагедией духа»⁸. За концепцией романа-трагедии Ф.М. Достоевского у В.И. Иванова стоит книга Ф. Ницше «Рождение трагедии из духа музыки» (1872). Названная работа Ф. Ницше оказала огромное влияние на русскую литературу и философию начала XX столетия. Мифологемы и образы, созданные Ф. Ницше, стали неотъемлемой частью того языка, на котором мыслил Серебряный век. Из «Рождения трагедии...» В.И. Иванов почерпнул многие идеи (мистерии Диониса, Эсхил, вдохнувший новую жизнь в «отмирающий миф»), заметно предопределившие его восприятие творчества Ф.М. Достоевского. Работы Иванова о Дионисе и его главная книга о Ф.М. Достоевском объединяются общей мифотворческой методологией и разработкой теории религиозно-обрядового, мифологического происхождения трагедии. Из работы Ф. Ницше В.И. Иванов также перенёс себе системообразующую оппозицию Сократ – Эсхил, а затем спроецировал её на русскую литературу: место Сократа (хотя с большими оговорками) занял Толстой, а «нового» Эсхила – Ф.М. Достоевский [8, с. 68].

Основа реализма Ф.М. Достоевского, по В.И. Иванову, – не просто познание, а «проникновение», которое есть *transcensus* субъекта, то есть «такое его состояние, при котором возможным становится воспринимать чужое Я не как объект, а как другой субъект»⁹. И в этом переживании чужого Я – в качестве формулы «ты еси», Иванов видит содержащийся в себе самом постулат Бога как абсолютной реальности. Аналогично «событию бытия» М.М. Бахтина, имеющему многосоставное архитектурное строение, восприятие мира как события также свойственно мифологическому сознанию В.И. Иванова. Центральная бахтинская идея архитектуры эстетического события, а также особая постановка проблемы автора как творца «события бытия» во многом напрямую соотносится с пониманием В.И. Иванова онтологии событийно-мифологического восприятия реальности. По В.И. Иванову, мистический

реализм Достоевского обнажает трагедию жизни, разыгрывающуюся между божественным и тварным началами в человеке, обречённом быть погружённым в материю, и разрываться в иступлённом сражении между этими полюсами.

В основу статьи «Экскурс. Основной миф в романе «Бесы» положена речь, произнесённая В.И. Ивановым в «Религиозно-философском обществе» по случаю доклада «Русская Трагедия» другого видного представителя русского религиозного ренессанса – С.Н. Булгакова. Интересно, что Иванов намеренно отстраняется от прямого соотнесения романа с историческими обстоятельствами, так как он остаётся целиком сосредоточенным на метафизическом уровне произведения: здесь перед нами предстаёт один из первых опытов в литературе о Достоевском целостной мифопоэтической интерпретации. И если С.Н. Булгаков предвидит в «Бесах» катастрофический итог движения русской истории XX столетия, то пророчество Иванова направлено на «конец «всемирной истории», оно – надвременно» [9, с. 230].

Роман «Бесы» рассматривается мыслителем как символическая трагедия, где трагическое по внутреннему антиномизму ядро – это сама коренная интуиция сверхчувственных реальностей, то есть миф. В данной статье В.И. Иванов проводит параллели между Ставрогиным и Фаустом, Верховенским и Мефистофелем, Хромоножкой и Гретхен из «Фауста» Гёте. Воззрения Иванова на образ Хромоножки отсылают также к учению о «богоносной соборности», восходящего к А. Хомякову, идеям Вл. Соловьёва о «Мировой Душе» и «Вечной Женственности» в аспекте Русской Души. Сокровенная келейница Хромоножка, представляющая в мифе Душу Земли русской, в романе – жена Николая Ставрогина. Герой становится проводником сатанинской силы, которая через него действует на его человекобожеские эманации. Лишь двое, как считает В.И. Иванов, своего «я» не отдали и смогли отделиться от ставрогинского «стада»: это Кириллов и Шатов.

В.И. Иванов воспринимает «человекобожескую» идею в её духовной трагедийности, демоничности в связи с люциферовым

⁸ Иванов В.И. Собрание сочинений: в 4 т. Брюссель, 1987. Т. 4. С. 409.

⁹ Там же. С. 419.

духом. Отсюда и его рецепция образа Кириллова, столь привлекавшего других исследователей Достоевского: «он совершает, в пустынной гордыне духа, свою антихристову, свою анти-гогофскую жертву»¹⁰. Отношение к проблеме «человекобога» у Иванова было крайне осложнённым: отвергая «человекобожеское» начало в его сложившемся виде, он допускал, как и Н.А. Бердяев, возможность трансформации его в свою светлую противоположность. Миф о дихотомии личностного начала в его богочеловеческой и человекобожеской ипостасях ложится в основу трагедии Иванова «Прометей» (1915), где люди не только совершают братоубийство, но и легковерно предают своего создателя, соблазнённые дарами Пандоры. Изживая в себе титаническое начало, люди-дети Прометея должны прийти к свободному согласию и единству, добровольно отказавшись от ложного человекобожеского своеволия. Только такой путь позволит восстановить целостный облик Диониса, и человечество сможет пре-существовать во «Всечеловечество», человек – в единого Адама. И в этом смысле Иванов во многом сам сближается с антропологическими воззрениями Ф.М. Достоевского.

Исследование демонического начала подробно продолжается в статье В.И. Иванова «Лик и личины России. К исследованию идеологии Достоевского». Он говорит о том, что действие в человеке люциферических сил первичной свободы первородного греха, будучи причиной и результатом отпадения его от Бога, составляет мифологическую основу всей истории культуры. Царство Аримана в аспекте застывшего в вечности распада люциферически замкнутой личности Иванова видит во сне Свидригайлова, в аспекте длительного тления – в рассказе «Бобок». В романе «Братья Карамазовы» предстают такие непохожие дети Ариманова узника – Федора Карамазова: простодушный Дмитрий – мученик Аримановой Руси, через которую парадоксально сквозит Русь святая, Иван – представитель России люциферической, лакей Смердяков, ненавидящий Россию, и Алёша, бегущий от Аримана не к Люциферу,

как вся Россия, но к православию и монашествующему старчеству. И в этом для Иванова новизна и самобытность образа Алёши, по его убеждению, именно в нём – последний завет и пророчество Ф.М. Достоевского. Иванов открывает принцип соборности возведённой Ф.М. Достоевским Алёшиной деятельности. Русское чувство Христа воплощается в идеале богочеловеческого соборного единения, которое Иванов увидел в «алёшинцах» в романе «Братья Карамазовы». Перспектива русского Света доминирует в восприятии философа, который видит путь спасения люцеферовой России.

Главная работа В.И. Иванова о писателе – книга «Достоевский. Трагедия – Миф – Мистика» представляет собой вершину его рецепции. Темы всех предыдущих статей органично прорастают в ней. В итоговом сочинении о Ф.М. Достоевском мыслитель рассматривает его творческую личность в трёх ипостасях: как творца трагедий, мифотворца и религиозного философа. Важно то значение, придаваемое Ивановым фигуре писателя в современной ему культурной жизни. Наряду с Н.А. Бердяевым, признающим себя духовным потомком Ф.М. Достоевского, Иванов говорит о том, что писатель «более своих современников стал зачинателем той духовной и душевной сложности, которая значительно предопределила теперешнее самосознание»¹¹.

В первой части книги (Tragodumena) Ф.М. Достоевский представлен автором как создатель самостоятельной жанровой формы «романа-трагедии» и как мистический реалист, возводящий человеческую трагедию к метафизическому уровню сверхчувственного самоопределения человеческой сущности – жить с Богом или без Него. Во второй части (Mythologumena) Иванов вскрывает и описывает мифологемы, лежащие в основе архитектоники романов «Преступление и наказание», «Идиот» и «Бесы». Обращение к мифу выводит исследование, по мысли автора, на метафизический уровень. В качестве некоторой точки отчёта, основы будущего мировоззрения Ф.М. Достоевского Иванов признаёт роман «Преступление и наказание», где от-

¹⁰ Иванов В.И. Собрание сочинений. С. 443.

¹¹ Там же. С. 487.

крыто даётся формула отрицательного самоутверждения индивидуализма человека – отъединение. Немалое внимание Иванов уделяет роману «Идиот», где писатель работает над художественным воплощением человека, несущего в себе начало соборности и единства, но в силу своего несочетания и несоизмеримости с другими, обречённый стать трагикомической фигурой. По мнению Н.А. Бердяева, в образе Мышкина – «настоящее откровение христианского дионисизма»¹². Здесь и мифологема страдающего Бога, и дух мистериальности и карнавала, и надежда на воскресение – весь роман воплощение феноменальной двойственности [10, с. 306-308]. Но Иванову Мышкин видится как образ солярный, аполлонический, будто упавший на землю из «наднебесного удела» Платона¹³. Это несовпадение дионисийского и аполлонического взгляда на героя, на наш взгляд, можно объяснить словами Ф. Ницше о том, что дионисическое подполье мира действует настолько, насколько оно же может быть затем «преодолено аполлонической просветляющей и преображающей силой»¹⁴. Так, на примере романа «Идиот» философ видит, как миф – живая душа эстетического целого раздирает конкретную оболочку произведения. Синтетичность, невоплотимая безграничность, просвечивающая фигуру князя Мышкина, раздвигает и грани романной «постройки».

Третья часть (Theologumena) состоит из двух подразделов: «Демонология» и «Агиология»: в первом устанавливается дихотомия сил зла между Люцифером и Ариманом, во втором разделе с опорой на «Братьев Карамазовых» представлен целиком положительный, спасительный образ общины «русских мальчиков» во главе с Алёшей Карамазовым, которая представляет собой соборное единство. Мы ещё не сказали о том важном факте, что Достоевский в рамках созданного В.И. Ивановым мифа имеет оформленную черту пророка: он является защитником русского христианства. Миф В.И. Иванова о

Достоевском-учителе строится на наставническом нарративе: писатель проповедует собственную «доктрину» метафизической свободы человека и идеала агиократии, то есть господства, власти святых, которое «предуготовляет уже ныне свободную теократию ... – предуготовляет обетованную будущность воцарившегося в людях Христа»¹⁵.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Творчество Ф.М. Достоевского в полной мере утвердилось в «большом времени» культуры конца XIX – начала XX веков. Ф.М. Достоевский совершил радикальный сдвиг в понимании человека, в его творчестве был намечен подход к построению новой метафизики, отводившей человеку центральное место в бытии. Как мы можем увидеть, в своём антропоцентрическом мировоззрении Ф.М. Достоевский сочетает принцип абсолютности отдельной личности с принципом соборного единства всех людей. Весь круг ведущих мотивов и интуиций этапа религиозно-философского ренессанса пронизывается и связывается воедино неким, несомненно, религиозным в своей основе, стремлением к цельности как должному состоянию человека. Ф.М. Достоевский был, как считали Н.А. Бердяев, А.Ф. Losev, духовным первоисточником мысли всего Серебряного века, вставшей «под знак» Ф.М. Достоевского, поскольку он открыл мир апокалиптического самоопределения человека. Антроподицея Н.А. Бердяева погружена в особую эсхатологическую атмосферу, в которой философ и обращается к творчеству писателя.

У Вяч. И. Иванова мистический реализм Ф.М. Достоевского обнажает вечную «трагедию духа», разыгрывающуюся между божественным и тварным началами в человеке. Метафизическая свобода человека, воссозданная в творчестве Ф.М. Достоевского, помимо демонического пути развития, видится Иванову и в перспективе надежды на спасение новой люциферовой России в русском чувствовании Христа, что воплощается в идеале богочеловеческого соборного едине-

¹² Бердяев Н.А. Откровение о человеке в творчестве Достоевского. С. 12.

¹³ Иванов В.И. Собрание сочинений. С. 541.

¹⁴ Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. Литературные памятники. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 156.

¹⁵ Иванов В.И. Собрание сочинений. С. 588.

ния в образе Алёши и «русских мальчиков». Мысль о Ф.М. Достоевском как о пророке и учителе, развёрнутая в трёх ипостасях мирозерцания самого Иванова: трагедии, мифологии и теологии, – является ключевой в его рецепции, она соединяет весь корпус текстов о писателе единым духом живого мифа.

Перспективы дальнейшего исследования развёртываются в русле углубления в литературно-философскую герменевтику творчества Ф.М. Достоевского, а также в расширении охвата рецепции через обращение к философским интуициям других мыслителей русского религиозного ренессанса.

Список источников

1. Нижников С.А. Ф.М. Достоевский и «русская идея» // Вестник Калмыцкого университета. 2016. № 1 (29). С. 104-111. <https://elibrary.ru/vswyhr>
2. Кантор В.К. Бердяев о Достоевском: теодицея и свобода // Философские науки. 2014. № 4. С. 52-64. <https://elibrary.ru/sheztn>
3. Юдахин А.А. «Знаете ли, я думал отдать мир папе...»: антикатолический пласт романа Ф.М. Достоевского «Бесы» // Неофилология. 2023. Т. 9. № 3. С. 573-582. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-3-573-582>, <https://elibrary.ru/wglzmu>
4. Bodea R.-O. Nikolai Berdyaev's dialectics of freedom: in search for spiritual freedom // Open Theology. 2019. № 5. Р. 299-308. <https://doi.org/10.1515/opth-2019-0023>
5. Касаткина Т.А. Явление эсхатона: феномен Ф.М. Достоевского на рубеже XIX–XX вв. // Утопия и эсхатология в культуре русского модернизма. М.: Индрик, 2016. С. 372-389. <https://elibrary.ru/xajdgx>
6. Евлампиев И.И. Достоевский и русская философия начала XX века // Ф.М. Достоевский: pro et contra, антология. 2-е изд. СПб.: РХГА, 2022. Т. 1. С. 7-30.
7. Grillaert N. What the God-seekers found in Nietzsche: the reception of Nietzsche's Übermensch by the Philosophers of the Russian Religious Renaissance. Amsterdam; New York: Rodopi, 2008. 282 p. <https://doi.org/10.1163/9789401206433>
8. Кибальниченко С.А. Новый Эсхил: миф о Достоевском в философской прозе Вячеслава Иванова // Русско-Византийский вестник. 2022. № 3 (10). С. 58-79. https://doi.org/10.47132/2588-0276_2022_3_58, <https://elibrary.ru/rusqwt>
9. Келдыш В.А. Наследие Ф.М. Достоевского в философской и литературно-критической мысли Серебряного века русской литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 280 с. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0609-3>, <https://elibrary.ru/lfwswor>
10. Серебряков А.А., Железняк Д.Р. Взаимодействие принципов структурного построения в романе «Идиот» Ф.М. Достоевского // Неофилология. 2022. Т. 8. № 2. С. 303-311. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-2-303-311>, <https://elibrary.ru/bengir>

References

1. Nizhnikov S.A. F.M. Dostoevsky and the concept of “Russian idea”. *Vestnik Kalmytskogo universiteta = Bulletin of Kalmyk University*, 2016, no. 1 (29), pp. 104-111. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vswyhr>
2. Kantor V.K. Berdyaev o Dostoevskom: teoditsey a i svoboda [Berdyaev on Dostoevsky: theodicy and freedom]. *Filosofskie nauki = Russian Journal of Philosophical Sciences*, 2014, no. 4, pp. 52-64. (In Russ.) <https://elibrary.ru/sheztn>
3. Yudakhin A.A. “Do you know, I have thought of giving up the world to the Pope...”: the anti-catholic layer of the novel by F.M. Dostoevsky “Demons”. *Neofilologiya = Neophilology*, 2023, vol. 9, no. 3, pp. 573-582. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-3-573-582>, <https://elibrary.ru/wglzmu>
4. Bodea R.-O. Nikolai Berdyaev's dialectics of freedom: in search for spiritual freedom. *Open Theology*, 2019, no. 5, pp. 299-308. <https://doi.org/10.1515/opth-2019-0023>
5. Kasatkina T.A. Yavlenie ehskhatona: fenomen F.M. Dostoevskogo na rubezhe XIX–XX vv. [The phenomenon of the eschaton: the phenomenon of F.M. Dostoevsky at the turn of the 19th–20th centuries]. *Utopiya i ehskhatologiya v kul'ture russkogo modernizma* [Utopia and Eschatology in the Culture of Russian Modernism]. Moscow, Indrik Publ., 2016, pp. 372-389. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xajdgx>

6. Evlampiev I.I. Dostoevskii i russkaya filosofiya nachala XX veka [Dostoevsky and Russian philosophy of the early 20th century]. *F.M. Dostoevskii: pro et contra, antologiya* [F.M. Dostoevsky: Pro et Contra, Anthology]. St. Petersburg, Russian Christian Humanitarian Academy Publ., 2022, vol. 1, pp. 7-30. (In Russ.)
7. Grillaert N. What the God-Seekers Found in Nietzsche: the Reception of Nietzsche's Übermensch by the Philosophers of the Russian Religious Renaissance. Amsterdam, New York. Rodopi Publ., 2008, 282 p. <https://doi.org/10.1163/9789401206433>
8. Kibal'nichenko S.A. New aeschylus: the myth about Dostoevsky in Vyacheslav Ivanov's philosophical prose. *Russko-Vizantiiskii vestnik = Russian-Byzantine Herald*, 2022, no. 3 (10), pp. 58-79. (In Russ.) https://doi.org/10.47132/2588-0276_2022_3_58, <https://elibrary.ru/rusqwt>
9. Keldysh V.A. Nasledie F.M. Dostoevskogo v filosofskoi i literaturno-kriticheskoi mysli Serebryanogo veka russkoi literatury [Dostoevsky in the philosophical and literary critical thought of the Silver Age of Russian literature]. Moscow, IWL RAS Publ., 2019, 280 p. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0609-3>, <https://elibrary.ru/lfwisor>
10. Serebryakov A.A., Zheleznyak D.R. The interaction of the structural construction principles in the F.M. Dostoevsky's novel "The Idiot". *Neofilologiya = Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 2, pp. 303-311. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-2-303-311>, <https://elibrary.ru/bcngir>

Информация об авторах

Серебряков Анатолий Алексеевич, доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной и мировой литературы, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0003-1059-8328>, aasereb@mail.ru

Вклад в статью: поиск литературы, написание части текста статьи, обобщение опыта исследователей.

Железняк Дарья Романовна, научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Современный литературный процесс на Северном Кавказе», кафедра отечественной и мировой литературы, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0001-6866-6771>, soul.darya@bk.ru

Вклад в статью: идея, общая концепция статьи, анализ литературы, написание части текста статьи.

Конфликт интересов отсутствует.

Поступила в редакцию 22.06.2023

Поступила после рецензирования 20.11.2023

Принята к публикации 18.01.2024

Information about the authors

Anatoliy A. Serebriakov, Dr. habil. (Philology), Professor of Russian and World Literature Department, North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-1059-8328>, aasereb@mail.ru

Contribution: literature search, part of manuscript text drafting, synthesis of researchers' experience.

Daria R. Zheleznyak, Research Scholar at the Research Laboratory "Modern Literary Process in the North Caucasus", Russian and World Literature Department, North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0001-6866-6771>, soul.darya@bk.ru

Contribution: idea, main study conception, literature analysis, part of manuscript text drafting.

There is no conflict of interests.

Received June 22, 2023

Revised November 17, 2023

Accepted January 18, 2024